

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ПАМЯТНИКАХ ПРАВА КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Рассматривается степень разработанности в историко-правовой научной литературе места и роли памятников права кубанского казачества 1860-1920 гг. (Положения, Указы, Обращения верховной власти и др.). Сделан вывод о необходимости современного переиздания этих документов, ибо они всесторонне не изучены учеными из-за их трудной доступности. Переизданные памятники права расширят наши знания по истории кубанского казачества, нацелят на дальнейшее исследование проблем на стыке исторической и правовой наук.

The degree of studying in the historic legal literature of the place and role of the Kuban Cossacks in 1860-1920 is analyzed. (Statements, Decrees, Addresses of the supreme power, etc.). The conclusion is made on the necessity of modern publishing of these documents, as they are not studied thoroughly by the scientists, because of difficulties of access to them. Republished monuments of law will widen our knowledge on the history of the Kuban cossacks, will aim at further investigation of the problems on the crossroad of historical and legal sciences.

Ключевые слова: кубанцы, историография, положения, указы; нормативно-правовой документ.

Key words: kubans, historiography, statement, decrees; normative legal document

Кубанское казачье войско – второе по величине после Донского – было создано по воле государства. Правительство России в 1860 г. соединило Черноморское войско с шестью бригадами Кавказского линейного войска, сформировав таким образом Кубанское казачье войско. Императоры Александр II, Александр III и Николай II в своих обращениях к Кубанскому казачеству высказывали ему слова благодарности за службу, выражая таким образом заинтересованность в сохранении казачества как военного сословия, которое обеспечивало бы на Северном Кавказе мир с позиции силы.

Истории Кубанского казачьего войска от времени его возникновения в 1860 г. до ликвидации в 1920 г. и возрождения в 1990 г. посвящена большая исследовательская литература как дореволюционного и [1], так и новейшего времени [2]. Почти нет работ, написанных непосредственно правоведами, их отдельные труды появились лишь в наше время и посвящены в большинстве своем только историко-правовой, локальной проблематике революции и гражданской войны на Кубани [3].

Почти все ученые указали на тот или другой памятник права Кубанского казачества, но отметили лишь время его возникновения. Исследователи, как правило, не приводят названия документа, год и историю его появления. Документ июня 1882 г. почти все ис-

следователи, рассмотренные в данной статье, назвали точно – Положение о военной службе казаков Кубанского войска. Они, как правило, подчеркивают, что Положение разделяло служебный строевой состав на три очереди, что полкам были присвоены названия.

Ученые зачастую уклонялись и от указания формы памятника права. Так, М. Астапенко пишет, что «13 (24) ноября 1802 г. было утверждено Положение о Черноморском казачьем войске – предтече Кубанского войска [4, с. 268]. Однако Ф.А. Щербина указывает, что это было вовсе не положение, а «высочайший указ 13 ноября 1802 г.» [5, с. 43].

Исследователи едины в определении документа июля 1842 г. как Положения о Черноморском казачьем войске, которое в 1860 г. по численности составляло 100 тыс. человек и вошло в состав Кубанского казачьего войска [6].

Нежелание авторов указывать полное название нормативно-правового документа объясняется или политическими пристрастиями авторов того времени (например, Ф.А. Щербина принадлежал тогда к партии народных социалистов и вряд ли питал особую любовь к царским законам), или, возможно, простым стремлением ученых не увеличивать объем книги особенно длинными названиями некоторых законов тех лет.

В исследовательской литературе мы находим указание на то, что реформы 1860-х гг. захватили Дон и Северный Кавказ. Однако авторы, как правило, обходили вопрос о пореформенном законодательстве, которое регулировало преобразования на местах. Неоднозначность подходов ученых к оценке памятников права Кубанского казачества свидетельствует о необходимости историографического анализа исследовательской литературы для установления степени освещенности этого вопроса.

Цель настоящей статьи – посредством такого анализа показать необходимость переиздания памятников права Кубанского казачества. Провести такую работу важно и потому, что многие памятники права Кубанского казачества недоступны для современных исследователей, ибо находятся в архивах. Они были опубликованы давно и лишь частично в газетах «Листок войны» [7] или официальном органе правительства «Вольная Кубань» за 1917 – 1918 гг. До настоящего времени остается слабо разработанным в историографии вопрос о региональном (местном) законодательстве Кубанского казачьего войска. Имеются, однако, по этому вопросу определенные наработки. Так, Ф.А. Щербина осуществил анализ такого местного закона 1794 г., как «Порядок общей пользы», подготовленного Войсковым правительством, за подписью атамана З. Чепиги, войскового судьи А. Головатого и войскового писаря Т. Котляревского. Этот закон, регулировал вопросы управления войском, землепользованием, расселением...

Ф.А. Щербина выявил фамилии составителей этого закона, проанализировал их место и роль в истории казачества [8, с. 515 – 551]. Ученый оставил современникам глубокие, всесторонние характеристики вождей Кубанского казачества конца XVIII – начала XIX вв., такие характеристики не потеряли своей актуальности и в XXI в., когда возросла потребность в объективной оценке многих лидеров казачьего движения. Ф.А. Щербина упрекает составителей названного закона в самоуправстве, в отказе созвать казачью Раду для обсуждения и принятия этого правового акта. Он отмечает негативные стороны закона, которые, по его мнению, в случае обсуждения его на заседании Рады никогда бы не увидели света, а именно такие его положения, в которых говорится об усилении привилегий старшины, о введении частной собственности на некоторые виды угодий, об эксплуатации рабочих сил ка-

зака [8, с. 545]. Ф.А. Щербина пришел к выводу о том, что авторы «Порядка общей пользы», не поддержав Раду как «лучшее демократическое учреждение казачества», нанесли «основному принципу казачьего самоуправления последний удар», так и не заметив «этой крупной и несправедливой исторической ошибки» [8, с. 548].

По закону «Порядок общей пользы», как завершает свое исследование Ф.А. Щербина, «центральный пункт управления решено устроить в Карасунском Куте на Кубани и назвать ее «градом Екатеринодаром», тогда, – подчеркивает автор, – «учреждалось пять округов во главе с окружными правлениями, смена состава которых происходила ежегодно 29 июня». Закон предусматривал строительство возле Екатеринодара сорока куреней, в которые избирались куренные атаманы [8, с.549 – 550]. Порядок общей пользы стал одним из первых и обстоятельных местных законов, который лег в основу последующего законодательства на Кубани. Исследование А.Д. Щербина остается до сих пор непревзойденным по выявлению и характеристике самих авторов этого закона, являясь своеобразным напутствием современным ученым.

В 1990 г. была опубликована первая в советской историографии монография (автор – И.Я. Куценко), «посвященная истории кубанских казаков от их переселения на Кубань до современности» [9]. Ей большое внимание уделяется 1905 – 1920 гг. и меньше предыстории Кубанского войска и современности. «В центре внимания работы, – пишет сам автор, – противоречивые, нередко драматические социальные процессы, порожденные особенностями развития капитализма на Кубани и Великой Октябрьской социалистической революцией» (с. 4). Главный источник – это произведения классиков марксизма-ленинизма.

Тщательный анализ содержания этой книги и ее источниковой базы показывает почти полное отсутствие ссылок на памятники казачьего дореволюционного права. Сказались идеологические пристрастия автора, влияние на него обстановки 1990 г., когда законодательство СССР уже не действовало, а новое еще не было создано. Все же необходимо отметить, что автор упомянул Положение об общественном управлении станиц казачьих войск с законодательными мотивами и разъяснениями, высочайше утвержденное 3 июня 1891 г. (с. 57). И.Я. Куценко больше уделяет внимание прика-

зам и распоряжениям войскового начальства по военной части. Имеются несколько ссылок на «Отчеты начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1915 г.» и др. Упомянут «Сборник циркуляров начальника по Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска и Кубанского областного Правления с 1879 по 1900 г.» (Екатеринодар, 1901). Автор использовал эти документы как исторический источник для раскрытия малозначимых событий, установления того или другого факта. Он стремился показать рост бедности станичников в начале XX в., нарастание социального расслоения среди них.

Аналізу революционного законодательства о казачестве И.Я. Куценко посвятил целый параграф главы (с. 178 – 189), не отличающийся особыми новациями. Им проанализированы хорошо известные научной общественности обращения II Всероссийского съезда Советов к казачеству, обращения СНК Советской Республики к казачеству от 26 ноября и 13 декабря 1917 г. с призывом создать казачьи Советы. И.Я. Куценко упомянул и о Конституции РСФСР 1918 г., в которой впервые сказано, что в стране действуют и властвуют Советы рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (с. 182). Рассмотрены декреты СНК, принятые в 1920 г. от 25 марта «О строительстве Советской власти в казачьих областях», от 24 ноября «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Последний, как отметил И.Я. Куценко, исходил из необходимости уравнивания в правах на пользование землей казаков и иногородних. Однако автором несколько затушеван вопрос о ликвидации Кубанского казачьего войска в 1920 г.

Таким образом, по работе И.Я. Куценко можно судить о явлении, в какой-то мере свойственном и советской историографии кубанского казачества в целом. Несмотря на произошедшее расширение источниковой базы, особенно после XX съезда КПСС (1956 г.), из литературы этого периода выпал целый класс источников, а именно – памятники права Кубанского казачества. Это объяснялась увлеченностью авторов классовым анализом истории Кубанского казачества. Исследователи-марксисты рассматривали упомянутые выше документы казаков как контрреволюционные. И.Я. Куценко специально не привлек внимания к обращениям к Кубанскому казачеству российских императоров: Екатерины II (от 1.VI. 1792 г.; 1.VII. 1792 г.); Павла I; Александра I; Нико-

лая I (10.X. 1843 г.); Александра II (30.VII. 1880 г.); Александра III; Николая II. В монографии И.Я. Куценко нет ссылок на законодательство кубанских казачьих властей 1917 – 1920 гг. Зато более полно исследовал автор законодательство СНК РСФСР 1917 – 1920 г. Эти памятники права извлечены из «Собрания узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» за 1917 г. Они раскрывают процесс строительства новой жизни в Кубанской области.

С началом возрождения в 1990-е гг. казачества актуализировалась разработка проблем истории его самоуправления, тогда как в советской историографии казачью общину (круг) считали вторичным (субсидарным) элементом системы управления. Были опубликованы посвященные этим проблемам монографии [10], статьи [11]. Увидел свет и научно осмысленный важный памятник права «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» (1891 г.). Этот закон применялся на Кубани, а также на Дону, Тереке и в других казачьих войсках (кроме Амурского, Уссурийского и Уральского). Он был основой управления войсками вплоть до 1917 г. [12]. Ученые исследовали предметы ведения казачьего самоуправления, отраженные в казачьем законе. Данное положение было проанализировано и в казачьей энциклопедии [13, с. 262 – 263].

В исследованиях последних лет, в том числе и в работах пишущих эти строки, разрабатывается вопрос о роли казачества в создании в 1917 г. органов власти Временного правительства – общественных исполнительных комитетов, рассматривается нормотворческая работа этих организаций. При этом подчеркивается, что общественные исполнительные комитеты: во-первых, являлись органами представительной демократии, куда и выбирали представителей казачества и неказачьего населения, защищали интересы Временного правительства; во-вторых, были организационной формой раскачивания, переходом казачества от сословного общества к гражданскому, стали общегражданскими органами власти Временного правительства; в-третьих, они представляли собой распорядительную форму административной управленческой деятельности, издавали воззвания к различным категориям населения, которые определяли характер политического момента, призывали к тем или иным действиям, но ограниченного масштаба. Нормотворческая деятельность казачества в них не изучена. Издаваемые земством воззвания,

обращения, инструкции и другие документы были составлены казачьей юридической интеллигенцией, иногда принадлежавшей к кадетской партии [14, с. 79 – 97]. Публикация в нашем сборнике документа «Временная инструкция исполнительным комитетам станиц, хуторов, селений, аулов и других населенных пунктов Кубанской области» – аргумент в дальнейшем исследовании проблемы. Важно изучить и законотворческую деятельность исполкомов, показать не только публикацию и комментарии законов верховной власти, солидарность с ними, но и творческий подход мест к этому законодательству, в трактовке их содержания и попытке их углубить и дополнить.

В новой энциклопедии «Казачество» появились важные оценки конституционного акта Кубанского казачества 1917 г. «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае». «Основные положения» были названы в энциклопедии первой в истории Кубанского казачества конституцией [13, с. 65]. Это было новое название документа, потому что в советской историографии он не именовался конституцией, а если такой термин и употреблялся, то указывалось, что это «конституция кубанской контрреволюции», причем подчеркивалось, что «антидемократизм Временных положений был вопиющим» [15, с. 46 – 47] (ибо избирательные права согласно в ней не предоставлялись непризнанным эмигрантам (гастарбайтерам, выражаясь современным языком)). Упомянутая казачья энциклопедия впервые дала развернутую характеристику этой «конституции», описание истории ее принятия, назвала ее структуру. В энциклопедии дана характеристика работы в феврале-октябре 1917 г. высшего законодательного органа власти Кубанского края – I и II съездов Кубанской краевой Рады 1917 г., что, несомненно, помогает дальнейшему поиску еще не разысканных нормативно-правовых актов. Этому способствует и опубликованная в энциклопедии повестка дня каждого из съездов Рады. Установлено, что комиссия, которую возглавлял Д.Е. Скобцов, предложила проект «Временных основных положений», который предполагалось утвердить осенью 1917 г.

В современных исследованиях показано, какие сложные проблемы, в том числе и правовые, рассматривались на II съезде Кубанской краевой Рады, который состоялся, как известно, в Екатеринодаре 24.IX. – 14.X. 1917 г. Тогда обсуждались вопросы: о текущем политическом моменте; о государственном строитель-

стве России; о коренном населении Кубанской области; об управлении Кубанской областью (самоуправление и земство); земельный вопрос; о союзе юго-восточных областей и народностей; о союзе всех казачьих войск; продовольственный вопрос; военная служба казаков; об участии казачьих частей в подавлении беспорядков; о народном образовании; вопросы, возникавшие при обсуждении программы. В принятых резолюциях единственной властью признавалось Временное коалиционное правительство, лучшей формой государственного строя – демократическая федеративная республика. Войсковым атаманом был избран Филимонов. Создан постоянно действующий орган – Законодательная Рада, председатель – Н.С. Рябовол. Утверждены Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае» [13, с. 322].

Энциклопедия «Казачества» (2003 г.) стала заметным историографическим фактором, дала толчок к разработке памятников права Кубанского казачества. В 2010 г. пишущие и эти строки были опубликованы «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае», предприняты попытки их научного анализа [14]. При этом авторы исходили из того, что «Временные основные положения» явились результатом завоеваний Февральской революции [16], которые проявились в следующем:

1. Утверждалось всеобщее избирательное право для всех, имеющих прописку, самый низкий возрастной ценз (20 лет).

2. Если до февраля Кубанской областью, по сути, управлял один человек – наказной атаман, то в марте – октябре 1917 г. (и это закрепили «Временные основные положения...») носителями высшей власти стали представительные органы. Атаман не назначался, а избирался Краевой Радой. А.П. Филимонов в марте – октябре был главой правительства, атаманом он был избран 12 октября 1917 г.).

3. «Положения» зафиксировали начало строительства в Кубанском крае регионально-государства переходного типа (умеренные социалисты именовали его «Кубанской аристократической республикой»). Кубанская область развивалась осенью 1917 г. как субъект федерации «Юго-Восточного Союза казачьих войск...». Союз имел собственную конституцию (точнее, появился ее Проект), законодательные, исполнительные и судебные органы.

Первые научные оценки Проекта Кубанской конституции учеными показали, что проблема памятников права требует дальнейшего исследования. В частности, необходимо дальнейшее изучение вопроса об авторах конституционного проекта, объяснение причин отказа авторов от характеристики структур, претендующих тогда на власть (исполкомы, Советы, «Юго-Восточный Союз казачьих войск...»).

«Временные основные положения...» не стали окончательно разработанным основным законом, они были проектом Конституции Кубани. В ряде статей Временных положений проявилась их недоработка, переходный характер. Вместе с тем нельзя отрицать достижения «Конституции», которая по ряду положений стала вершиной казачьей демократии. В последующие годы в казачьем законодательстве произошел откат назад. Так, в Конституции Кубани декабря 1918 г. в связи с гражданской войной и антибольшевизмом Рады избирательные права населения были еще больше урезаны. Избирательных прав, например, лишалась громадная часть населения «за участие в большевизме», был увеличен до 26 лет возрастной ценз и др.

Л.П. Рассказов, В.Н. Ратушняк, П.И. Остапенко и др. осуществили анализ Конституции Кубани декабря 1918 г. Они оценили законодательство Кубанского края как противоречивое. «С одной стороны, оно представляло из себя попытку заложить долговременные основы новой государственности, а с другой – несло в себе черты законодательства чрезвычайного положения» [17, с. 405].

Различные формы правовых актов дореволюционного времени, их роль в регулировании взаимоотношений учреждений государственной власти, самоуправления, в правовом развитии народов Северного Кавказа пока изучены слабо [18]. В большей мере памятники права рассматривались учеными-историками как исторические источники. Что касается правоведов, то к такой работе они еще только приступили.

Проблема памятников права начала разрабатываться на стыке наук как историко-правовое исследование, перспективная и многообещающая проблема.

Л.П. Рассказов, В.Н. Ратушняк и другие авторы опирались на монографическое исследование П.И. Остапенко [19] и ввели в научный

оборот такой малоизученный документ, как постановление Кубанской Рады в 8 выпусках.

В первом историко-правовом исследовании о Кубани и казачестве авторы опубликовали в приложениях полные тексты обращений к Кубанскому казачеству императрицы Екатерины II, императоров Павла I, Александра I, Николая I, Александра II, Александра III, Николая II. Знакомство с документом свидетельствует о том, что авторы не указали форму законодательного акта. Не объяснили, почему глава государства обращается к казакам прежде всего как руководитель церкви («Божию милостию»).

Авторы выявили в архивах и проанализировали в монографии местные законы Кубани, принятые в марте – октябре 1917 г., сентябре 1918 г. Среди них главными являются: Временные положения об управлении Кубанской областью (автор – Н.С. Долгополов); «Положение о выборах в Краевую Раду» (рук. – кадет Каплин); «Положение об управлении Кубанским краем» (автор – кадет Каплин); «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае» (сентябрь 1917 г.); «Временные положения об управлении Кубанским краем» (декабрь 1918 г.).

Исследователи пришли к выводу, что, несмотря на численное преобладание на Кубани неказачьего населения, наличие у него своих центров власти, творцы новых законов «кубанской государственности пошли по пути закрепления казачьих привилегий, фактического создания сословной республики» [20, с. 283, 310 – 311].

Детальный правовой анализ местных законов, осуществленный упомянутыми учеными, подтверждает этот вывод [20, с. 276 – 311]. К несомненным заслугам авторов можно отнести и их попытки выявить фамилии составителей законов, в отдельных случаях указывалась и их партийность. Авторы исследования неплохо показали обстановку, в которой создавались законы в Кубанской области как в марте-октябре 1917 г., так и в годы гражданской войны 1918 – 1920 гг.

Две главы монографии Л.П. Рассказова, В.Н. Ратушняка, П.И. Остапенко (гл. VI – VII, с. 276 – 398) посвящены правовому анализу законодательства Кубанского края в годы гражданской войны (1918 – 1920 гг.). В них детально рассматриваются преимущественно

«Временные положения об управлении Кубанским краем, принятые Чрезвычайной Краевой Радой в ноябре – декабре 1918 г.». Этот документ признан авторами как по своей структуре, так и содержанию актом конституционного значения, частично дублировавшим принятые в сентябре 1917 г., рассмотренные выше «Временные основные положения». (Из 11 разделов документа декабря 1918 г. 5 почти полностью дублируют конституционный акт, принятый Радой в сентябре 1917 г.). Авторы квалифицированно проанализировали все 11 разделов декабрьского 1918 г. «Временного положения». Они отнесли к названному документу не только как памятнику права, но и как к историческому источнику. В монографии раскрыта обстановка 1918 г. в казачьем крае, указаны источники появления некоторых статей (например, указано, что статья 57 IX раздела о праве краевого правительства самому издавать законы полностью соответствовала ст. 87 Положения о российской Государственной Думе) [20, с. 294 – 300].

Анализ упомянутыми авторами положений «кубанских конституций» стремились дополнить пишущие эти строки, опубликовавшие в научном исследовании «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае» (1917 г.). Нам, как и нашим предшественникам, пока не удалось выявить авторов «конституций», установить их партийность. Мы обратили внимание только на то, что Временные основные положения 1917 г., в частности, статьи 2, 5, 7, 9, 12, 17 об избирательном праве населения Кубани, имеют свои первоисточники: Декларацию Временного правительства от 3 марта 1917 г., Положение о выборах в Учредительное собрание [14, с. 253 – 261].

Не является бесспорной точка зрения Л.П. Рассказова и др. о том, что казачество Кубани взяло власть уже в 1917 г. лишь потому, что это была «наиболее организованная часть населения» (с. 283). Однако сами авторы не раз подчеркивали, что власть казаков поддерживалась и Корниловым, и Деникиным. Указывается на факт заключения между кубанцами и Корниловым в феврале 1918 г. специального договора об объединении «всех сил и средств для борьбы с большевиками». Сами авторы указывают на «постоянную борьбу группировок в казачьей среде». Некоторые ученые пишут о «министерской чехарде»: «За неполные три года (апрель 1917 – март 1918 гг.) сменилось три атамана (А.П. Филимонов (избирался дважды), Н.М. Успенский, Н.А. Букретов), пять представите-

лей войскового и краевых правительств (А.П. Филимонов, Л.П. Быч, Ф.С. Сушков (дважды), П.И. Курганский, В.Н. Иванис). Еще чаще менялись составы правительств – в общей сложности девять раз» [21, с. 22].

В интересном и содержательном историко-правовом исследовании несколько преувеличена роль казачества и его правоведов, слабо раскрыта роль большевиков, не рассматривается вопрос о социальной базе этой партии в казачьем крае, снят вопрос об их революционном законодательстве. С интересом читаются опубликованные в монографии «Кубанская область и казачество» (2005 г.) обращения к кубанскому казачеству всех российских императоров XIX – начала XX в. Досадно, однако, что в этой книге не опубликованы не менее уникальные «конституционные акты» кубанцев «Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае (сентябрь 1917 г.)» и «Временные положения об управлении Кубанским краем (декабрь 1918 г.)». А между тем анализу этих документов авторы посвятили две весомых главы своей монографии [20, с. 276 – 399].

Таким образом, исторический анализ наиболее крупных исследований по истории Кубанского казачества показывает, что из поля зрения советских ученых выпал целый класс документов – памятники права кубанцев. Если в советском обществе эти документы игнорировались из-за «контрреволюционности» их создателей, то в последние двадцать лет это продолжается по инерции. Исследователи больше уделили внимания общероссийским законам о казачестве, регламентировавшим местное государственное управление и самоуправление. Однако почти совсем не анализируется нормотворчество местных органов власти. Редко встретишь ссылки на постановления Кубанской Рады. Не выявлены и не опубликованы Протоколы Рады и Кубанского правительства за 1917 г. Издание в XXI в. памятников права кубанцев превратит их в доступную для ученых группу документов, расширит источниковую базу исследований.

Литература

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910 – 1913. Т. 1 – 2. Рассмотрение в нашей статье преимущественно этой работы объясняется тем, что этот труд Ф.А. Щербины наши современники справедливо оценивают

- как наиболее фундаментальный по глубине раскрытия проблем и широте охвата источников. Ученый использовал материалы значительных работ дореволюционных авторов: Е.Д. Филицина, И.Д. Попко, П.П. Короленко, В. Толстого и др.
2. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар. 1990; Астапенко М. История казачества России. Ростов-на-Дону, 1998. В 5 книгах; Футорянский Л.И. Казачество России в огне гражданской войны (1918 – 1920 гг.). Оренбург. 2003. Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998. Он же. Казачий излом. Ростов-на-Дону, 1996; Он же. Казачество России в период Октябрьской революции и на начальном этапе гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2005 и др.
 3. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики. Краснодар, 1989; Рассказов Л.П., Ратушняк В.Н., Астапенко П.И. и др. Кубанская область и казачество. Краснодар, 2005.
 4. Астапенко М. Казачество России. Ростов-на-Дону, 1998.
 5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Краснодар, 1910. Т 2.
 6. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М., 2003. С. 365. Астапенко М. Указ. соч. С. 269.
 7. Листок войны, 1917 г., с 28 сентября по 5 октября. В них опубликованы Протоколы заседаний Краевой рады и Правительства Кубани.
 8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Краснодар, 1910.
 9. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1990.
 10. Зправление казаков: история и современность. Ростов-на-Дону, 1998 и др.
 11. Ратушняк В.Н., Ивченко И.Н. Кубанская казачья община и возможность исследования ее исторического опыта // Проблемы казачьего возрождения: Сб. науч. статей. Ростов-на-Дону, 1996 и др.
 12. Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону, 2009 – 2012; Т. 1 – 9. Сергеев В.Н., Звездова Н.В. Возрождение казачьего круга на юге России в начале XX в. М., 2010. С. 12 – 55.
 13. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М., 2003.
 14. Сергеев В.Н., Звездова Н.В. Возрождение казачьего круга на Юге России в начале XX в. М., 2010.
 15. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917 – 1918 гг.). Краснодар. 1984.
 16. Кубань и казачество (конец XVIII – 1920 г.). Историко-правовое исследование. Краснодар, 2005.
 17. Кубанская область и казачество. Краснодар. 2005.
 18. Весомый вклад в это внесли изданные недавно 10 томов «Антологии памятников права народов Кавказа». Ростов-на-Дону, 2009 – 2012.
 19. Остапенко П.И. Правоохранительная система Кубанского края. 1918 – 1920 гг. Краснодар, 1993.
 20. Рассказов Л.П., Ратушняк В.Н., Остапенко П.И. Кубань и казачество (конец XVIII – 1920 г.). Историко-правовое исследование. Краснодар, 2003.
 21. Зайцев А.А. Крушение мелкобуржуазных иллюзий на Кубани и Черноморье (1917 – 1920 гг.). Краснодар. 1990.

УДК 340.15:349.4

Небрятенко Г. Г.,
Небрятенко О. О.

ОБЫЧНОЕ ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Обычное право донских казаков в XVI-XIX в. проникало во многие сферы регулирования общественных отношений, при этом не являлись исключением поземельные отношения. Они возникали и строились сообразно господствовавшему социально-экономическому укладу и политической обстановке, отражали реалии глубинных процессов, характеризовавших всю социальную систему донского казачества. Основным источником регулирования поземельных отношений в XVI-XVIII вв. выступал обычай, а также прецедент как средство разрешения казусов. В XVIII-XIX вв. получил развитие нормативный правовой акт, применение которого осуществлялось российским правительством.